Джулиа ПАСКАЛЬ

«САНДИ ТАЙМС», ЛОНДОН.

Михаил Барышников, или просто Миша, как его обычно называют в Америке, выказывая тем самым отнюдь не фамильярность, а особую симпатию и признание таланта, сегодня достиг того «критического» возраста, когда классическому танцовщику пора собираться на пенсию. Однако этот русский артист, вот уже восемнадцать лет живущий на Западе и не раз удивлявший здешнюю публику неожиданными поворотами своей карьеры, далек от мысли уходить со сцены. Напротив, по его мнению, самый главный творческий этап только еще намечается.

Мишины пируэты

За рубежом.- 1992.- 3 дек. (№ 14).- С. 22-23

МЫ ВСТРЕЧАЕМСЯ с Михаилом Барышниковым в роскошной обстановке парижского отеля, где он остановился, прилетев из Нью-Йорка на свою пресс-конференцию. В номере неимоверно жарко, но он сидит в свитере и в шарфе. Он немного утомлен быстрой сменой часовых поясов и, кроме того, приболел гриппом... Когда глядишь на его невысокую собранную фигуру, как-то нелегко сразу распознать в нем танцовщика. У него мускулатура метателя диска, и он не похож на гибкого и элегантного премьера классического балета. Впрочем, где они, те времена, когда он танцевал одну классику?

— В прошлом,— говорит Миша.— Мне вовсе не улыбается быть стареющей балетной «звездой», все еще продолжающей изображать юных принцев.

Тем не менее Барышников, чья карьера по многогранности и насыщенности служит вызовом даже карьере Рудольфа Нуреева, не намерен уходить на покой. Как раз наоборот, в возрасте 44 лет он ярко демонстрирует поразительную способность найти новое измерение своего творчества, а именно всерьез заняться современным танцем.

Для представителя классической школы Кировского театра сменить стиль — совсем не простое дело. Но Барышникову это успешно удается в рамках его независимой труппы «Уайт Оук дэнс проджект», которой он руководит и которая, как это ни странно, «расквартирована» в сельской глубинке американского Юга. Труппа скоро приедет в Париж и в Лондон с репертуаром, который уже заслужил очень высокую оценку критиков в США. Это балеты великих хореографов-модернистов (от Марты Грэхем до Мередит Монк), а также вызывающие большие споры работы Марка Морриса, американского балетмейстера нового поколения.

Этот репертуар являет такого Барышникова, какого большинство европейцев еще не видели. Классическое трико уступило место облачению боксера на ринге. Нет и традиционных па-де-де. Их место занял современный, нередко мужской дуэт — как, например, в «Колоде карт», филигранной работе, где Барышников имеет все возможности продемонстрировать присущий ему атлетизм, а его партнер Моррис танцует с зажженной сигаретой во рту.

Многим это партнерство представляется странным: Барышников — классик, а Моррис — иконоборствующий модернист, способный, создавая серьезные хореографии, одаривать зрителя скандально-бисексуальными образами. Но у этих артистов сложилось очень интересное сотрудничество с тех самых пор, как в 1987 году русский танцовщик поручил Моррису сделать для него балет «Выпей за меня одними глазами».

Михаил Барышников в одном из номеров своей последней современной программы...

Фото «Санди таймс», Лондон.

Переход от классики к модерну сопряжен не только с проблемами болезненной ломки эстетики. Травмы и артрит усугубляют ощущение того, как трудно порывать со старым миром и вступать в новый. Овладение техникой современного танца — это как изучение иностранного языка, что совсем не просто в среднем возрасте.

— Когда тело натренировано на то, чтобы танцевать в соответствии с музыкальным ритмом, при безупречном равновесии, оно сопротивляется современным требованиям двигаться аритмично. Когда пальцы ног привыкли тянуться в струнку, трудно заставить их задираться вверх,— говорит Барышников.

Если классический танцовщик всегда устремляется к воображаемым небесам, то техника современного танца заземлена. Двадцать лет выматывающего тренинга воспитывают сильнейшую моторную память мускулатуры, и тело категорически отказывается все забыть и учиться новому. Но Барышников привык к тому, чтобы побеждать.

Этот танцовщик, который уехал на Запад в 1974 году, родился в семье советского офицера сталинской закваски, по его собственному выражению, «обучавшего людей шпионской деятельности» (то есть преподававшего топографию будущим разведчикам). Семья проживала в Риге, «где быть русским означало, что местные к тебе относятся с неприязнью». Его друзьями были такие же, как он сам, «аутсайдеры общества» — русские и еврейские ребята, жившие по соседству. В школе он говорил по-латышски, а дома — по-русски.

Сейчас он бегло и гладко говорит на своем англо-американском. И хотя ему до сих пор снятся сны на русском языке, он уже окончательно превратился из «гомо советикуса» в «гомо американуса». Чувствует ли он себя по-прежнему русским?

— Вот тут,— он постукивает себя по лбу,— я американец. Но в душе — русский.

Сталинистское воспитание предполагало раннее овладение наукой выживания, приспосабливания. Он вспоминает свое детство — время, когда людям приходилось крутиться, чтобы зарабатывать деньги, когда люди знали, как притвориться и обмануть, когда все делалось потихоньку... Сегодня присущий Мише талант приспосабливаться позволяет ему продлить до обидного короткую жизнь танцовщика классической школы, хотя он же, этот талант, порой вызывает на него и огонь критики.

Когда Барышников бежал из Кировского театра, это был сокрушительный удар по советскому балету — тем более что ему уже предшествовало бегство других солистов этой труппы — Рудольфа Нуреева и Натальи Макаровой, пережитое советской системой как унижение. Барышников был надеждой своего театра. В свое время он сумел поломать принятую здесь «классификацию», согласно которой артисту с его внешними данными было заранее уготовано характерное амплуа. Установив для себя жесточайший режим питания и тренинга, он сумел «перевоспитать» свое тело для партий романтических любовников и упорно отказывался брать роли комические, которые были предопределены его маленьким ростом (1 метр 63 сантиметра) и обликом подростка. Вопреки всему он доказал, что может быть благородным героем. Его исполнение партии Альберта в «Жизели» до сих пор является легендой Кировского театра.

Решение Барышникова жить на Западе не было обусловлено меркантильными соображениями — он к тому времени уже входил в число привилегированных членов советского общества. Скорее, его вызвало разочарование и отчаяние творческого человека. В Ленинграде Мишу мало занимали в спектаклях, ему приходилось простаивать. Вынужденная праздность и подтолкнула его к импульсивному решению остаться в Канаде во время гастролей Кировского театра. Его первым впечатлением от Нью-Йорка была боль при виде бездомных, но общаться с обитателями тротуаров пришлось недолго. Вскоре он взмыл в сверкающий великолепием мир американского классического балета. Барышников был «лакомым кусочком», и балерины отчаянно соперничали друг с другом, добиваясь того, чтобы заполучить партнером именно русского танцовщика. Все стали называть его просто Миша — что служит формой наивысшего признания...

Американский балетный критик Арлина Кроуси внимательно наблюдала за первыми выступлениями Барышникова в Нью-Йорке в труппе «Американ балле тиетр», когда он танцевал с Макаровой. «Потенциал Барышникова состоит не в какой-то новой пластике,— отмечала она тогда,— но в его способности поднять классический танец к новым вершинам, привести к новой логике... Он — современный классический танцовщик». Барышникову в то время было 26 лет, и он находился в самом расцвете сил. Однако Кроусли прозорливо заметила: «Там, где другие танцовщики уже сходят с круга, этот артист только начинается».

В своем поиске нового он перепробовал всех ведущих американских хореографов. Балет Туайлы Тарп «От пробы к делу» был создан специально для него уже в 1976 году и стал первым серьезным успехом Барышникова в современном танце, открывшем к тому же в артисте удивительное чувство юмора. Барышников пошел и дальше этим путем, доказывая, что ему доступно все: и танцевать в легком стиле Джина Келли, и выдерживать жесточайшие репетиции, необходимые для создания сложных балетов Марты Грэхем, и органично вписываться в неоклассические постановки Баланчина. Этот поиск логиче-